

ОТ ТЕОРЕТИКА К МЫСЛИТЕЛЮ:
ЗНАКОМСТВО С Ю. М. ЛОТМАНОМ
ПОД РУКОВОДСТВОМ Б. Ф. ЕГОРОВА

Ким Су Кван

Университет иностранных языков Хангук,
Южная Корея, 17035, Оэдаэ-ро, Мохён-уп, Чхоин-гу, Ёнгин-си, Кёнги-до, 81
Поступила в редакцию 30.11.2023 г.
Принята к публикации 23.12.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-2-1

В статье, которая носит во многом личный и ретроспективный характер, автор делится своими воспоминаниями о встречах с творчеством Юрия Лотмана и пытается переосмыслить его семиотику как своего рода размышление об истории России. Начав с воспоминаний о первом знакомстве с творчеством российского ученого более тридцати лет назад в Корее, автор описывает свой опыт изучения Лотмана в России под руководством профессора Бориса Фёдоровича Егорова, а после возвращения на родину – интенсивное исследование последних лет жизни Лотмана (так называемого «лотмановского взрыва»). В частности, автор пытается переосмыслить интригующую концепцию Смуты, которую Лотман разрабатывал в последние годы жизни, в ключе «непредсказуемости прошлого» и подчеркнуть ее глубокое значение для ученого, которого, как утверждает автор, следует рассматривать не только как теоретика, но и как (русского) мыслителя.

Ключевые слова: Юрий Лотман, Борис Егоров, взрыв, механизм Смуты, непредсказуемость прошлого

Россия, еще Советский Союз: знакомство с Лотманом

Первоначальная версия этого текста была представлена в устной форме на международной научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Бориса Фёдоровича Егорова (Санкт-Петербург, 31 мая – 2 июня 2021 года), а данное эссе является результатом ее дополнения и переработки. В этом сугубо личном тексте я хотел бы поделиться своими воспоминаниями, связанными с профессором Егоровым, который был моим научным руководителем, и в то же время воспользоваться возможностью поразмышлять о наследии Лотмана не только как теоретика, но и как мыслителя. Но позвольте сначала немного рассказать о себе, чтобы было понятнее, какую роль он сыграл в моей жизни.

Я поступил в университет и начал изучать русский язык в марте 1990 года. Когда я упоминаю об этом, корейцы обычно говорят, что, наверное, это случилось сразу после распада СССР. И тогда я отвечаю,

что в момент моего поступления Союз Советских Социалистических Республик все еще существовал, хотя ситуация была уже не слишком стабильной. На выборах в марте того года в шести союзных республиках, включая Эстонию, Коммунистическая партия лишилась власти. Борис Ельцин, который был избран председателем Верховного Совета РСФСР, в июле объявил о своем выходе из КПСС. В тот год, когда я поступил на факультет русского языка и литературы, страна моей будущей специальности стремительно двигалась к своему «концу». Но никто не мог и предположить, что уже совсем скоро Советский Союз перестанет существовать.

Внезапное исчезновение страны, которая в момент моего поступления казалась незыблемым колоссом, всего лишь через год после этого, было ошеломляющим событием. Я помню это очень хорошо. Двадцать пятого декабря 1991 года мы праздновали Рождество. По телевизору показывали Михаила Горбачёва. Горбачёв был знаменит своими трехчасовыми речами вместо запланированных пятнадцатиминутных выступлений, но в тот день он вышел на трибуну, произнес несколько слов и ушел с серьезным и печальным выражением лица. В этот момент Советский Союз перестал существовать. Чтобы осознать, что исчезновение «всего лишь одной страны» на самом деле означает конец «целого мира», в котором только и было возможно ее существование, понадобилось еще несколько лет. Но внезапный крах этого мира так или иначе повлиял и на меня, корейского студента начала девяностых.

Я начинаю с этой личной истории, чтобы объяснить, в каком контексте произошло мое знакомство с творчеством Лотмана. Впервые я прочитал его работу в эпоху, когда вокруг бушевали жаркие дискуссии вокруг новомодных западных теорий, пытавшихся осознать и разъяснить этот новый мир, возникший на обломках старого, двуполярного. Наверняка вы все помните торжественные заявления Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории». Стремительное развитие теории от Фуко и Деррида до Лакана и Делёза, от структурализма и постструктурализма до деконструктивизма и постмодернизма. Впрочем, чтобы понять, что все эти теории девяностых были своего рода попыткой заполнить то «огромное пустое пространство», которое осталось после исчезнувшего мира Советского Союза, понадобилось тоже немало времени¹. И вот на фоне этого постепенно затихающего постмодернистского шума встреча с творчеством Лотмана вызвала у меня сильные и необычные чувства.

¹ Как я узнал позже, Жак Деррида посетил Москву в апреле 1990 года, то есть на закате существования Советского Союза. Это было, используя известное выражение Зигфрида Кракауэра, время «последних вещей перед последними» (*last things before the last*) (Kracauer, 1995). Организованный группой Валерия Подороги (вместе с Михаилом Рыклиным и Еленой Подоровской) в Институте философии РАН визит вылился в легендарное эссе «Back from Moscow, in the USSR» (Жак Деррида..., 1993, с. 8–32). Как признаются многие исследователи, его книга «*Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning and the New International*» (Derrida, 1994) была в решающей степени сформирована именно этим визитом: в том самом месте, где полным ходом шла ликвидация истории, чистка марксизма, Деррида диагностировал, что призрак Маркса все еще остается и будет возвращаться вновь и вновь.

Теоретик и мыслитель

Это ощущение можно сравнить со встречей с совсем неизвестным человеком, внешность которого, однако, кажется очень знакомой. Или с новыми, непривычными словами, произнесенными родным и знакомым голосом. Лотман говорил на привычном для меня языке, в понятиях структурализма и семиотики, но все-таки у меня оставалось отчетливое ощущение чего-то нового и незнакомого. Признаюсь, что попытка разобраться в сути этого странного ощущения и привела меня в магистратуру, где я выбрал теорию Лотмана в качестве темы научной работы. Но даже тогда, когда я защитился в моей альма-матер по теме теоретической эволюции Лотмана, я все еще не мог до конца понять суть этого непонятного чувства. И в конце концов я решил, что единственным способом пройти этот путь до конца будет поехать учиться в страну Лотмана. В девяносто девятом году, окончив курс докторантуры в Корею, я уехал на учебу в Россию.

Я выбрал Пушкинский дом в Петербурге, а не популярный в то время среди корейских студентов Московский университет только по одной причине. Это было предложение работать под научным руководством профессора Бориса Фёдоровича Егорова. Коллеги переживали за меня: не слишком ли пожилой мой научный руководитель, которому, заметим, было тогда всего семьдесят три года. Сейчас просто смешно вспоминать об этом. Еще одна вещь, которая беспокоила моих коллег, — то, что моя докторская степень, полученная в институте, а не в престижном университете, будет слабым местом в моей карьере на родине. Конечно, это было лишь представление с точки зрения корейцев, не слишком хорошо знакомых в то время с системой Российской академии наук. Достижения многих корейских коллег, получивших степень там после меня, сами по себе решили этот вопрос. Сегодня, не колеблясь ни секунды, могу сказать, что для меня решение учиться под руководством Бориса Фёдоровича в Пушкинском доме оказалось самым лучшим и правильным выбором, ведь я хотел познать глубже не только теорию Лотмана, но и узнать его как человека. Кто же мог лучше рассказать о нем, чем Борис Фёдорович, человек, который дружил с ним более полувека?

Я был очень удивлен двумя вещами, когда впервые встретился с Борисом Фёдоровичем в кабинете его знаменитой квартиры на Загородном проспекте. Сначала удивило, насколько же в свои семьдесят три года он бодр и активен; настолько, что в это было сложно поверить. Но причина была не только во внешности. Меня впечатлило, как молод он был духом, насколько открыто принял молодого человека из далекой страны. Но еще больше меня удивило другое — его особенное отношение к ученикам. Из нашей переписки до встречи Борис Фёдорович знал, что я уже знаком почти со всеми работами Лотмана. Но все же первая встреча была совсем не такой, как я ее себе представлял. Я почувствовал отношение не как к новичку, который приехал из другой

страны чему-то научиться у мэтра, а как к коллеге по науке, который интересуется теми же вопросами. Я был ошеломлен таким отношением, ведь это было абсолютно непривычным для меня, во время учебы в Корее я не встречал такого ни разу. Не понадобилось много времени, чтобы понять, что это не было проявлением каких-то системных различий между научным миром России и Кореи, а было связано с особенностью характера Бориса Фёдоровича, его отношения к науке и к людям.

Чему же научил меня Борис Фёдорович за три с половиной года работы под его руководством? Во-первых, разумеется, Борис Фёдорович стал для меня надежным проводником и попутчиком в течение всего процесса моего изучения «лотмановской семиосферы». В моменты, когда я чрезмерно погружался в абстрактные теоретические рассуждения, отдалялся от живого материала, он вновь и вновь возвращал меня к конкретике. Когда я заходил в тупик, не зная, куда двигаться дальше, он подсказывал мне решение мудрым советом. Одним словом, Борис Фёдорович был действительно идеальным научным руководителем. Но исчерпывалась ли этим его роль?

Отнюдь нет. Сейчас я могу с уверенностью сказать, что он передал мне то, что намного больше и важнее. Не знаю, насколько правильным будет такое выражение, но Борис Фёдорович показал мне мир за пределами «Лотмана как теоретика», он привел меня в мир «Лотмана как мыслителя». Чем отличаются теоретики от мыслителей? Мыслитель, как я понимаю, — это теоретик, которому дан «исторический контекст». Теория может существовать за пределами исторического контекста, но мысль не может существовать и развиваться в вакууме. Все великие идеи несут в себе следы эпохи, различных условий и испытаний того периода, которые породили эту мысль. Какой же была эпоха Лотмана? Безусловно, это была советская эпоха. Он родился в 1922 году, когда образовался СССР, и ушел через два года после его исчезновения, в девяносто третьем году.

Время, проведенное с Борисом Фёдоровичем, не только в кабинете его квартиры, но и за долгими разговорами в автобусе по пути в Тарту, в поезде по пути в Смоленск, постепенно, но отчетливо изменяли мое представление о Лотмане — от теоретика семиотики, которого часто сравнивали с Умберто Эко, Роланом Бартом, Альгирдасом Жюльеном Греймасом, до мыслителя, который в отчаянной борьбе пытался сохранить себя и свое слово в конкретном историческом, культурном, политическом контексте. Когда Лотман предстал передо мной не просто как теоретик в вакууме, а как личность, прожившая историческую действительность, меня стали волновать вопросы, которые прежде не представляли для меня серьезного интереса. К примеру, почему Лотман не покинул страну, когда многие из его бывших коллег эмигрировали на Запад? Почему, когда другие выбирали путь члена Академии наук со всеми сопутствующими благами и привилегиями, он остался до конца преподавать в «провинциальном» вузе? Почему он работал не только над изданием академических исследований, но и так активно выпускал «учебные материалы»?

И чаще всего, больше всего меня интересовал следующий вопрос: в то время, когда я, будучи студентом в начале девяностых годов, впервые встретился с идеями Лотмана, в тот момент заката прежнего мира, в то «время конца», о чем тогда думал сам Лотман? В тот момент, когда Россия, а возможно, и весь мир, переживала время «взрыва», была на пороге «непредсказуемости», в этот особый момент «неопределенности», с какими надеждами жил Лотман? Эти вопросы не оставляли меня в покое все то время, которое я находился в России, а вернувшись в Корею, я перевел последнюю работу Лотмана «Культура и взрыв» на корейский язык (로트만, 2014) и продолжил исследования, написав в том числе отдельную статью про «лотмановский взрыв» (Kim, 2014).

Непредсказуемость прошлого

В вышеупомянутой статье я рассматривал теоретические аспекты понятия взрыва. Подчеркивая важность выделения параметра существенных «внутренних» изменений, произошедших в самой теоретической системе, наряду с указанием на «внешние» факторы, которые привели к изменениям во взглядах Лотмана, такие, например, как влияние других мыслителей, я попытался концептуализировать определенный сдвиг во взглядах Лотмана, который совпадал с появлением понятия взрыва, как движение от «пространственной», точнее, «центр-периферийной» модели к «темпоральной», а именно «сдвинутому времени» (dislocated time), характеризующемуся неопределенной непредсказуемостью исторического процесса. Тем самым я хотел раскрыть глубокий смысл этого движения в качестве теоретического прорыва, предпринятого в процессе преодоления ограничений предыдущей — «пространственной» — модели.

Сегодня, спустя десять лет после публикации этой статьи, признаюсь, меня гораздо больше интересуют исторические или даже экзистенциальные измерения этого понятия, нежели его теоретические аспекты. Почему? Потому что, собственно, я считаю, что именно эти измерения олицетворяют Лотмана не столько как теоретика, сколько как мыслителя, чьи работы несут на себе отпечаток его времени. В следующей части этого текста я хотел бы остановиться немного подробнее на этом вопросе, который не получил должного освещения в предыдущей статье.

Как хорошо известно, «Культура и взрыв» заканчивается следующим, наиболее часто цитируемым последним абзацем:

Коренное изменение в отношениях Восточной и Западной Европы происходящее на наших глазах, дает, может быть, возможность перейти на общеевропейскую тернарную систему и отказаться от идеала разрушать «старый мир до основания, а затем» на его развалинах строить новый. Пропустить эту возможность было бы исторической катастрофой (Лотман, 2000, с. 148).

Обычно этот отрывок толкуется следующим образом: в этом выражается сильная ориентация Лотмана на будущее, в том смысле, что он здесь возлагает надежды на то, что исторические потрясения, которые он наблюдал тогда, наконец-то дадут толчок к тому, чтобы Россия отошла от своей (проклятой) бинарной модели и перешла к общеевропейской тернарной системе. Безусловно, такая интерпретация сама по себе правомерна. Лотман искренне желал, чтобы Россию ждало иное будущее.

Но перечитывая этот отрывок снова и снова спустя годы, я не могу не задаться вопросом: как же мы можем осуществить столь глубокий переход — в будущее, отличное от прошлого и в этом смысле по-настоящему новое? Возможно, это звучит несколько надуманно, но вот что мне кажется. Если мы действительно хотим добиться другого будущего, нам следует изменить не только будущее, но и прошлое. Только тогда, когда мы сможем взять на себя задачу по «переработке» прошлого, мы и сможем рассчитывать на радикальные инновации в полном смысле этого слова.

Вопреки общепризнанному мнению о том, что основной проблематикой позднего Лотмана был вопрос о будущем, нельзя не заметить, что в последний период своей жизни он глубоко погрузился в тему прошлого. Моя убежденность в том, что проблематика «переработки прошлого» занимала в размышлениях позднего Лотмана не менее важное место, чем задача открытия непредсказуемого будущего, укрепилась после того, как я прочитал статью Сурена Золяна с увлекательным названием «Непредсказуемость прошлого: Юрий Лотман об истории и историках». В ней автор определяет уникальную позицию Лотмана в отношении к вопросу исторического прошлого как «эстетическую», утверждая, что суть этой перспективы основана на методологии реконструкции не только того, что произошло, но и того, что могло бы произойти (даже если этого не произошло).

Суть этого специфического метода заключается в том, что он основывается «не только на воссоздании имевших место событий, но и на реконструировании возможных» (Золян, 2020, с. 94). Он рассматривает прошлое как все еще не определенное, как множество равновероятных вариантов. В этом отношении, по словам Золяна, «вымысел» призван «дополнить ограниченность методологическую инструментария исторического описания и скорректировать его деформирующее воздействие» (Там же).

Недетерминированность будущего, а также многогранность настоящего приводят к тому, что описания (осмысления, интерпретации) прошлого также становятся непредсказуемыми. Можно сказать, что Лотман нашел особый, присущий именно ему подход, который помог уйти от, казалось бы, неизбежной политизации или же релятивизации проблемы (Там же, с. 94–95).

Полностью соглашаясь с формулировкой Золяна, я хотел бы добавить свое соображение, связанное с размышлениями Лотмана об истории России. Если говорить об «утраченных возможностях» прошлого,

то существует одна статья, которая заслуживает особого внимания, но редко упоминается. Это «Смутное время как культурный механизм: К типологии истории русской культуры», написанная Лотманом в последние годы жизни, примерно в то же время, что и «Культура и взрыв». Здесь мы сталкиваемся с исключительным примером того, как интерес Лотмана к «потерянному пути» прошлого, нереализованным возможностям, от которых отказалось линейное историческое сознание, одним словом, к тем событиям, которые не произошли, но могли бы произойти, применяется к истории России и подвергается переоценке.

Механизм смуты: Лотман как русский мыслитель

В этой статье, призванной переосмыслить роль «Смуты» в русской истории, Лотман пытается определить это понятие не просто как термин, относящийся к конкретному периоду (XVII век), а как особый механизм, управляющий русской историей на протяжении всего московско-петербургского периода. В том, как Лотман здесь скрупулезно исследует «механизм смуты», остававшийся неизменным на «каждом рубеже веков» с XVII по XX столетие, эта статья явно напоминает его раннюю работу 1970-х годов «Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)». Однако этот текст решительно отличается от прошлого в одном существенном моменте: в обсуждаемой статье ориентация Лотмана направляется не столько на долговечность определенной модели в русской истории, сколько на возможность ее противоположности, то есть на варианты нереализованного будущего.

Если учитывать эти процессы, то станет очевидным, что историк должен изучать не только сложившийся и ретроспективно канонизированный облик событий, но и потенциально возможные пути, оставшиеся нереализованными (Лотман, 2002, с. 37).

Само собой разумеется, что возможности того, что могло бы быть иначе, те «потенциально возможные пути, оставшиеся нереализованными», здесь относятся к перспективе перехода от бинарной к тернарной модели. Причина, по которой с самого начала Лотман заинтересовался этим периодом, который принято называть Смутой, заключается в том, что именно в этот период возникли подобные «другие» возможности и варианты развития событий: «Идея индивидуальной ответственности, провозглашенная Шуйским» и представление об «авторитете народа как источнике власти» (проявившееся в жесте Годунова) вырастили Смутное время (Там же, с. 42). Действительно, «воцарение Бориса Годунова (1598) сопровождалось сложным, и не имевшим опоры в традиции ритуалом приглашения царя на трон» (Там же, с. 41). Лотман пишет: «Итогом Смуты XVII — начала XVIII в., казалось, должен был бы сделаться переход России к умеренной законодательно-самодержавной власти, например типа Швеции. Однако этого не произошло» (Там же, с. 43).

Кратковременное открытие возможности коренных изменений и последующее разочарование, то есть механизм смуты, неизменно повторялись на протяжении следующих столетий: все экономические и культурные процессы конца XIX — начала XX века, такие как «развитие буржуазных форм хозяйства, быстрый экономический прогресс в последние десятилетия XIX в., формирование интеллигенции», действительно создавали «потенциальную возможность перехода к тернарной системе» (Там же, с. 44). Однако, как всегда, «чеховский путь [как промежуточная, компромиссная позиция] не получил объективного продолжения. Победил путь Блока — максимализм» (Там же). То же самое повторилось несколько десятилетий спустя, когда реформаторская линия нэпа была отброшена и возобладал сталинский акселерационизм.

Проблема перехода с бинарной точки зрения на тернарную фактически возникла, как мы видим, в периоде «смуты» начала XVII в. Однако каждый раз она наталкивалась на непреодолимые препятствия: государство переживало один кризис за другим, мучительно рвалось перейти на европейский (то есть тернарный) строй и каждый раз эта попытка оканчивалась новым кризисом. Фактически перед этим вопросом стоит развитие России и в настоящее время (Там же, с. 46).

Последнее предложение, заканчивающееся словом «в настоящее время», звучит особенно значительно, поскольку оно свидетельствует об источнике лотмановского импульса к пересмотру русской истории: что же является внутренним побуждением, которое заставляет Лотмана восстанавливать утраченные пути истории? В начале 1990-х годов, когда Лотман писал эту статью, в России вновь заработал классический механизм смуты, и он, как мог, старался найти альтернативный образ прошлого, который позволил бы избежать его рокового повторения. Вот почему последнее предложение статьи звучит столь по-гамлетовски экзистенциально.

В настоящее время переживаемый Россией кризис, с одной стороны, все тот же кризис, который в разных формах, но с единой сутью повторялся весь период между Петром и нашей современностью. С другой стороны, мы переживаем принципиально новую ситуацию, ибо сейчас вопрос перехода к общеевропейской тернарной структуре приобрел гамлетовский характер — «быть или не быть» (Там же).

Здесь становится ясно, что для Лотмана проблема «переработки» прошлого не может сводиться лишь к его переписыванию. Суть в другом: возобновить встречу между прошлым и настоящим. Следует подчеркнуть, что потенциальные пути не остаются открытыми надолго. Это мимолетные возможности, которые предоставляются только сразу после взрыва. Потенциальные пути обязательно закроются, как только будет выбран определенный вариант.

Непосредственно после взрыва количество потенциально возможных будущих дорог велико. <...> В дальнейшем, однако, в него включается фак-

тор сознательной деятельности человека, который прилагает усилия для того, чтобы определенные аспекты реальности подавить и объявить несуществующими, а остальные максимально втиснуть в навязываемую истории идеальную модель (Там же, с. 37).

Итак, восстановление репрессированного прошлого, или, в лотмановских терминах, обдумывание нереализованных (потенциальных) путей, которые были объявлены несуществующими и тем самым устранены «идеализированной моделью реальности», — это то, что он называет «эстетическим (семиотическим) методом», который может и должен дополнить традиционный метод историографии. Следует ли это уже называть политическим участием? Наверное, да. Не исключено, что возможно интерпретировать это как результат «трансформации» Лотмана, его «политический поворот». По словам Брайана Джеймса Бэера, переводчика последней книги Лотмана «Непредсказуемый механизм культуры», «в конце 1980-х годов Лотман начал менять свой подход, отказываясь от строгой объективности архивиста и более непосредственно обращаясь к собственному историческому моменту» (Ваер, 2013, р. 26).

Но все же возможно и другое объяснение, которое кажется более подходящим для Лотмана, прирожденного ученого, до самого конца не терявшего веры в возможности семиотики как новой дисциплины, дополняющей традиционную историографию. Задача переработки прошлого, восстановления утраченных альтернативных путей истории была для него не чем иным, как задачей реконструкции, образно говоря, «черновики (текста) истории». По словам Михаила Лотмана, когда его отец в свой последний период все больше и больше концентрируется на времени и истории, он «и здесь опирается на исследования литературного текста» (Lotman, 2019, р. 259).

Когда речь идет о литературных текстах, то в то время как «читатель получает готовый текст, где все планы, черновики и версии отброшены», для автора «текст существует во всей своей изменчивости, и часто автор возвращается к уже опубликованному тексту, чтобы изменить его или восстановить части, которые ранее были отредактированы». Здесь история, по сути, ничем не отличается от (литературного) текста: «Как и в литературе, мы можем говорить о нереализованных возможностях, которые являются “черновиками истории”. Эти события были возможны, но не были реализованы» (Там же, р. 261). Итак, задача возродить все оставшиеся потенциальные пути в конечном счете возлагается на ученого, который «изучает» историю, а не на политика.

Тем не менее мне кажется, что более уместным, чем дихотомия между политикой и академией, является различие, о котором я говорил ранее: Лотман как теоретик или мыслитель. Он — русский мыслитель, и в некотором смысле его мышление само по себе является продуктом русской культуры, и именно поэтому он не может окончательно отвергнуть бинарную модель и в одностороннем порядке отстаивать тер-

нарную модель. Я не могу не почувствовать подобную «амбивалентность» в таких отрывках, как приведенный ниже, где Лотман рассуждает о двух сторонах одной монеты, которая называется русским типом культуры:

Политическая реализация бинарной структуры — безнадежная попытка построить царство небесное от мира сего, что в реальности порождает лишь крайние формы деспотизма. Отсюда бесспорное положительное значение бинарных структур во вторичном слое культуры — в области идей и искусства, и столь же значительная опасность опытов реализации их в сфере политической реальности. Этим определяется и притягательность, и слабость русского типа культуры. Жизнь без Толстого и Достоевского была бы нравственно и духовно бедной, жизнь по Толстому и Достоевскому была бы нереализуема и чудовищна (Лотман, 2002, с. 45).

«Притягательность и слабость русского типа культуры» — это последнее выражение, указывающее на готовность не просто *читать* Толстого и Достоевского, но и *жить* по ним, кажется мне заключительным комментарием ко всей программе Лотмана по переработке прошлого. Лотман отчетливо осознает силу и притягательность русской формы культуры, в какой-то мере очарован ею, но в то же время он боится катастрофических последствий, которые она может повлечь за собой, и старается избежать их во что бы то ни стало. Это амбивалентное отношение, как я утверждаю, не ограничивается историческими изысканиями последних лет его жизни, а является характерной чертой Лотмана как «русского мыслителя» на протяжении всей его творческой эволюции.

Еще раз подчеркну: это признак Лотмана как мыслителя, а не просто теоретика. Мыслитель — это теоретик, которому задан исторический контекст. Теория может существовать вне исторического контекста, но мысль не может существовать или развиваться в вакууме. Все великие идеи несут на себе отпечаток своей эры. Семиотика Лотмана, созданная в исторических условиях русской и советской культуры, как кажется, указывает тот «порог» для творческой мысли, которого может достичь незаурядный критический интеллект.

Тридцать лет отношений: Россия и Я

Осенью 2020 года, когда я получил сообщение, что Бориса Федоровича не стало, каждую ночь я в печали доставал и перечитывал одну книгу. Это была переписка Юрия Михайловича Лотмана и Зары Григорьевны Минц с Борисом Фёдоровичем Егоровым за 1954—1993 годы. Книгу мне подарил Борис Фёдорович во время нашей последней встречи в 2018 году, когда я был у него дома. На последних страницах книги, в девяносто третьем году, когда в «дни конца» Лотман жил почти в изоляции в Тарту, в письме Лотмана звучат слова, наполненные тоской, это был искренний призыв к другу всей его жизни:

Вообще – грустно.

Пытаюсь работать. Мои милые друзья – ученицы, Таня и Влада (рукой последней написано это письмо), – помогают мне героически. Но сейчас лето, время отпусков. Кроме того, у меня наиболее активное время – ночь, а к утру я все забываю. <...>

Дорогой Борфед! Мне очень Вас не хватает, это – правда. Хоть бы повидаться раз еще в этой жизни (Лотман, Минц, Егоров, 2018, с. 643).

Тот год, когда Борис Фёдорович покинул нас, чтобы вновь встретиться со своим старым другом, был годом тридцатилетия установления корейско-российских дипломатических отношений. Из-за обстоятельств, связанных с распространением коронавируса, почти все запланированные мероприятия были отменены, но одно из корейских издательств обратилось ко мне с просьбой написать текст на тему «Тридцать лет отношений: Россия и я». К статье нужно было приложить фотографию с подписью «Россия, которую любил я». И вот в конце своего рассказа хочу поделиться этой фотографией и словами из своего текста.

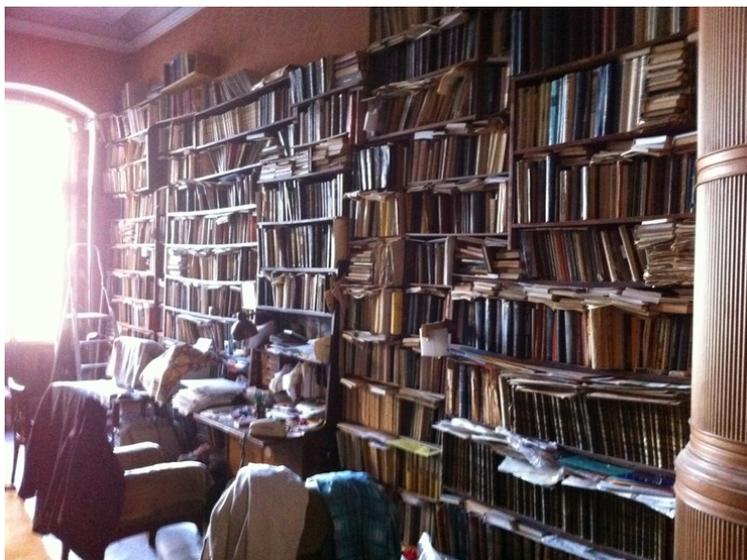

Рис. Рабочий кабинет Б.Ф. Егорова. 2010. Фото автора

Россия, которую любил я

Россия – это прекрасное место. А Санкт-Петербург, который называют одним бесконечным музеем, город, в котором я жил, невозможно сравнивать с каким-либо другим местом. Здесь есть не только излюбленные туристами дворцы, соборы, музеи. Особенно трогают душу простая одинокая скамейка на окраине города, изящный узор решетки на маленьком мосту через канал. Но если выбирать только одно место, которое я любил, которое переполняет мою душу счастливыми воспо-

минаниями, это кабинет моего научного руководителя. Во время учебы в России я бывал там по несколько раз в месяц, и именно здесь я обрел свое собственное понимание России и любовь к этой удивительной стране².

Исследование Ким Су Квана поддержано исследовательским фондом Университета иностранных языков Хангук 2023.

Список литературы

Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия / сост., предисл., пер. и коммент. М. Рыклина. М., 1993.

Золян С. Т. О непредсказуемости прошлого: Юрий Лотман об истории и историках // Золян С. Т. Юрий Лотман: О смысле, тексте, истории. Темы и вариации. М., 2020. С. 59 – 95.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.

Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.

Лотман Ю. М., Минц З. Г., Егоров Б. Ф. Переписка, 1954 – 1993. СПб., 2018.

Baer B. J. Translator's Preface // Lotman J. M. The Unpredictable Workings of Culture / transl. by B. J. Baer; ed. by I. Pilshchikov, S. Salupere. Tallinn, 2013. P. 17 – 30.

Derrida J. Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning and the New International. N. Y., 1994.

Kracauer S. History: The last things before the last. Princeton, 1995.

Kim S. H. Lotmanian explosion: From peripheral space to dislocated time // Sign Systems Studies. 2014. Vol. 42, №1. P. 7 – 30.

Lotman M. Afterward: (Re)constructing the Drafts of Past // Lotman J. Culture, Memory and History. Essays in Cultural Semiotics / ed. by M. Tamm ; transl. by B. J. Baer. Cham, 2019. P. 245 – 265.

로트만 유리(Lotman Y.). 문화와 폭발 (Culture and Explosion). 김수환 옮김 (transl. by Kim Soo Hwan). 서울: 아카넷 (Seoul: Acanet), 2014.

Об авторе

Ким Су Кван, кандидат философских наук, профессор, Университет иностранных языков Хангук, Сеул, Южная Корея.

E-mail: lotmania@hufs.ac.kr

Для цитирования:

Ким Су Кван. От теоретика к мыслителю: знакомство с Ю. М. Лотманом под руководством Б. Ф. Егорова // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №2. С. 12 – 25. doi: 10.5922/2225-5346-2024-2-1.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

² Я хотел бы выразить свою признательность Борису Фёдоровичу Егорову, работа под его руководством была для меня большой честью. Он познакомил меня с Лотманом не только как с выдающимся ученым, но и как с поразительной личностью, за что я ему особо благодарен. Имея в виду именно это редкое сочетание научного и человеческого талантов Ю. М. Лотмана, я писал этот текст.

FROM THEORIST TO THINKER:
ENCOUNTER WITH YURI LOTMAN UNDER THE MENTORSHIP
OF BORIS EGOROV

Kim Soo Hwan

Hankuk University of Foreign Studies,
81 Oedae-ro, Mohyeon-eup, Cheoin-gu, Yongin-si, Gyeonggi-do,
17035, South Korea,

Submitted on 30.11.2023

Accepted on 23.12.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-2-1

In this paper, which is largely personal and retrospective, the author shares his memories of his encounters with the works of Yuri Lotman and takes the opportunity for a reconsideration of his semiotics as a specific reflection on the history of Russia. Beginning with memories of the first encounter with Lotman's work more than thirty years ago in Korea, the author describes his experiences studying Lotman in Russia under the supervision of Professor Boris Fedorovich Egorov and, after returning to his native country, intensively exploring Lotman's last years (the so-called 'Lotmanian explosion'). In particular, the author attempts to reconceptualize the intriguing concept of the 'mechanism of Smuta' that Lotman developed in his later years in terms of the "unpredictability of the past" and to highlight its profound implications for Lotman, who, the author argues, should be seen not only as a theorist but also as a (Russian) thinker.

Keywords: Yuri Lotman, Boris Egorov, explosion, mechanism of Smuta, unpredictability of the past

Kim Soo Hwan's research is supported by the research fund of Hankuk University of Foreign Studies, 2023.

References

- Baer, B.J., 2013. Translator's Preface. In: Ju.M. Lotman, ed. *The Unpredictable Workings of Culture*. Translated by B.J. Baer. Tallinn, pp. 17–30.
- Derrida, J., 1994. *Specters of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning and the New International*. New York.
- Kim, S.H., 2014. Lotmanian explosion: From peripheral space to dislocated time. *Sign Systems Studies*, 42 (1), pp. 7–30, <https://doi.org/10.12697/SSS.2014.42.1.01>.
- Kracauer, S., 1995. *History: The Last Things before the Last*. Markus Wiener Publishers, Princeton.
- Lotman, Ju.M., 2000. *Semiosfera [Semiosphere]*. St. Petersburg (in Russ.).
- Lotman, Ju.M., 2002. *Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury [History and typology of Russian culture]*. St. Petersburg (in Russ.).
- Lotman, Ju.M., Mints, Z.G. and Egorov, B.F., 2018. *Perepiska, 1954–1965 [Correspondence, 1954–1965]*. St. Petersburg (in Russ.).
- Lotman, M., 2019. Afterward: (Re)constructing the Drafts of Past. In: M. Tamm, ed. *Juri Lotman. Culture, Memory and History. Essays in Cultural Semiotics*. Translated by B.J. Baer. Palgrave Macmillan, pp. 245–265, <https://doi.org/10.1007/978-3-030-14710-5>.

Ryklin, M., ed., 1993. *Zhak Derrida v Moskve: dekonstruktsiya puteshestviya* [Jacques Derrida in Moscow: Deconstruction of travel]. Moscow (in Russ.).

Zolyan, S., 2020. On the unpredictability of the past: Juri Lotman on history and historians. In: *Juri Lotman: O smysle, tekste, istorii. Temy i variatsii* [Juri Lotman: About the meaning, the text, the history. Themes and variations]. Moscow, pp. 59–95 (in Russ.).

로트만 유리 (Lotman Juri). 문화와 폭발 (Culture and Explosion). 김수환 옮김 (Translated by Kim Soo Hwan), 서울: 아카넷 (Seoul: Acanet), 2014.

The author

Dr Soo Hwan Kim, Professor, Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, South Korea.

E-mail: lotmania@hufs.ac.kr

To cite this article:

Soo Hwan Kim, 2024, From theorist to thinker: encounter with Lotman under the mentorship of Boris Egorov, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 2, pp. 12–25. doi: 10.5922/2225-5346-2024-2-1.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))